

«Я всегда считал, что обязан Вам жизнью»

Юлия Кантор

«Единственный защитник заключённого, реальный его защитник — лагерный врач. Власть у него очень большая, ибо никто из лагерного начальства не мог контролировать действия специалиста. Почти всегда лагерные начальники были во вражде со своими медиками — сама работа разводила их в разные стороны», — писал Варлам Шаламов в «Колымских рассказах», во многом автобиографических.

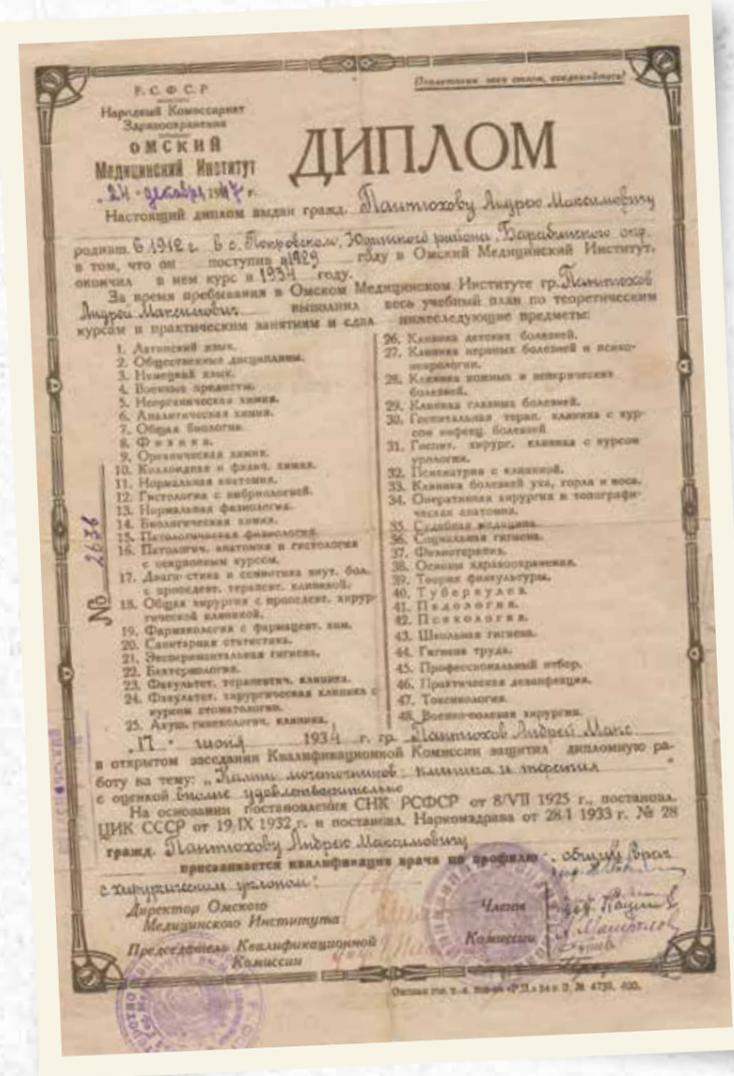
Шаламов выжил в лагере только потому, что лагерный врач, тоже политзаключённый, Андрей Пантюхов вылез, выходя из него — обмороженного, истощённого ээка-доходягу (это был уже его третий срок) и дал направление на фельдшерские курсы. Это помогло Шаламову, ставшему медиком, избежать невыносимо тяжёлых лагерных «общих работ», дожить до освобождения и стать писателем.

«Рассыпанный» по папкам, конвертам и коробкам архив Андрея Максимовича Пантюхова — переписка,

документы (включая диплом врача, полученный им 13 лет спустя после окончания медвуза, справки о прекращении дела и реабилитации), семейные и даже лагерное фото, личные вещи (стетоскоп, печать врача, наручные часы и ещё несколько памятных предметов), переписанные от руки стихи и метафора времени — потрёпанный «Фауст» со штампом «УСВИТЛ НКВД СССР» — многие годы хранился в семье его сына, Евгения Андреевича Пантюхова. Я познакомилась с ним в Красноярске почти случайно — на выставке, посвящённой Виктору Конецкому, в местном краеведческом музее. После открытия

А. М. Пантюхов. Фото в кабинете лагерной больницы, 1944 год (публикуется впервые)

Диплом А. М. Пантюхова об окончании Омского медицинского института, выписанный в день его ареста и полученный им только в 1947 году (публикуется впервые)

были «посиделки» с наиболее увлечёнными посетителями. Один из них, седой, художавый человек, задавал интересные вопросы, выдававшие в нём не только внимательно-го читателя, но и любителя истории. Что-то «зацепило» меня в этом немногословном собеседнике, и мы остались договорить в пустевшем уже зале. «Дома огромная библиотека, отцовская. Даже не знаю, чего в ней больше — художественной литературы или истории. Отец и мне привил любовь к чтению», — сказал он. «Он был учителем?» — «Нет, врачом. Моя фамилия Пантюхов. Вы читали “Колымские

рассказы?» — был ответ. У меня перехватило дыхание: «Пантюхов! Андрей Пантюхов — врач-заключённый, спасший Шаламова! Это ваш отец?!»

Так литература, в своё время оказавшая на меня сильнейшее воздействие своей трагической мужественностью и во многом предопределившая выбор профессии, стала превращаться в историю. Историю, о которой захотелось рассказать.

Доктор Пантюхов — прототип главного героя нескольких «Колымских рассказов» Шаламова, где фигурирует под своим именем. Судьба свела их на Колыме. Два молодых интеллектуала сблизились, находя в себе силы вести беседы о классической литературе, обсуждать поэзию. Они, благодаря друг другу, смогли не сломаться и — остаться людьми. Первая встреча с Пантюховым описа-

на Шаламовым в рассказе «Домино»: «Я раздвинул губы, подвигал челюстями — должна была получиться улыбка. Врач это понял и улыбнулся ответно.

— Зовут меня Андрей Михайлович, — сказал он. — Лечиться вам нечего.

У меня засосало под ложечкой.

— Да, — повторил врач громким голосом. — Вам нечего лечиться. Вам надо кормить и мыть. Вам надо лежать, лежать и есть. Правда, матрасы наши — не перина. Ну, вы ещё ничего — ворочайтесь побольше, и пролежней не будет. Полежите месяца два. А там и весна...

Я чувствовал радость, конечно: ещё бы! Целый два месяца!»

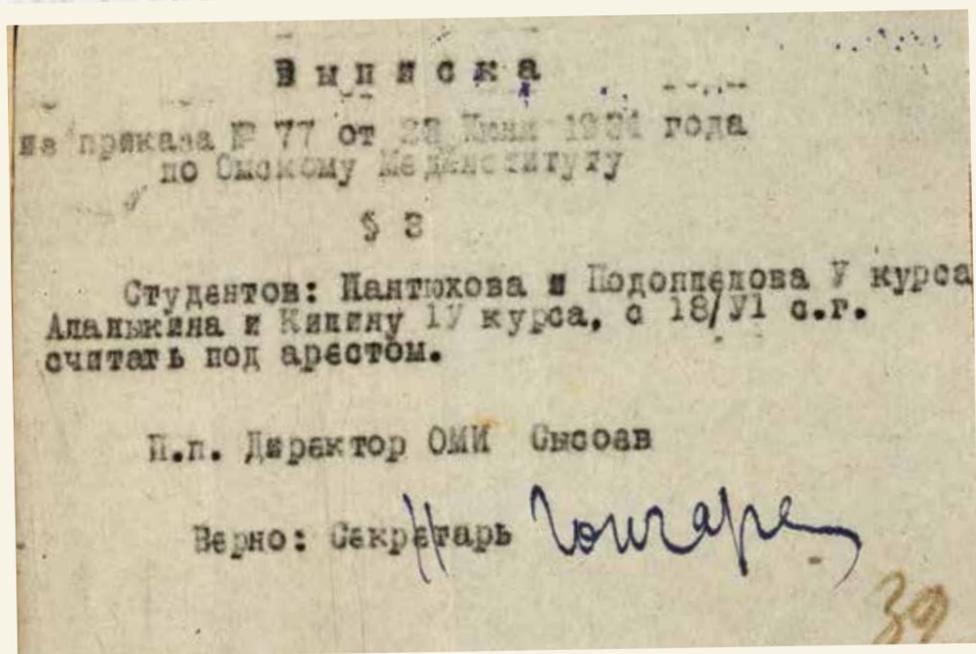
У каждого из них был свой путь в ГУЛАГ. Шаламов родился в 1907 году, а Пантюхов в 1912-м. Шаламова в 1929 году сначала исключили

с факультета советского права Московского университета за сокрытие социального происхождения (он был сыном священника). А затем и вовсе осудили по печально известной 58-й статье УК (архивное следственное дело хранится в Центральном архиве ФСБ России). «Преступление» Шаламова заключалось в том, что он считал необходимым участие оппозиции в политической жизни страны. Он пытался объяснить следователям свои взгляды. «Для всякого, кто научился знать Ленинскую правду, политической осью событий последнего времени являлись взаимоотношения партии и оппозиции... Целый ряд выступлений вождей и целый ряд репрессивных мер по отношению к оппозиции... — достаточное свидетельство двойственности партруководства», — писал он, призывая вернуть «ленинскую оппозицию в партию из ссылок, тюрем и каторги». Особое совещание приговорило его к «заключению в концлагерь сроком на 3 года». Он мотал свой первый срок в Вишерлаге Молотовской области. В 1932-м, когда срок подходил к концу, дело пересмотрели. И добавили ему ещё три года ссылки.

Пантюхова, комсомольца, выходца из крестьянской семьи, арестовали в день защиты дипломной работы в Омском мединституте. Пантюхову, как свидетельствует архивное

Пантюхова арестовали в день защиты дипломной работы

следственное дело, хранящееся в архиве УФСБ по Омской области, предъявили обвинение в том, что он стал сторонником троцкистской оппозиции, «став на путь борьбы с генеральной линией партии и её руководством». Преступными квалифицировали следствие студенческие разговоры о «суровом режиме в партии как факте ликвидации демократии в партии

Справка из личного дела студента
А. М. Пантюхова об аресте. 1934 год
Государственный исторический архив
Омской области (публикуется впервые)

и установлении диктатуры Сталина». Приговор Особого совещания: «За организацию контрреволюционной группировки заключить в исправтрудлагерь сроком на три года, считая срок с 17 июля 1934 года».

После окончания трёхлетнего срока Андрея Пантюхова арестовали вновь. Обвинения — а ему инкриминировали теперь уже активное «участие в антисоветской повстанческой организации на Колыме и призывы к контрреволюционному саботажу» — он отрицал. Тем не менее дали ещё 10 лет (постановление «тройки» УНКВД по Дальстрою от 28 февраля 1938 года). Материалы о втором сроке Пантюхова хранятся в УМВД по Магаданской области. Он пытался бороться:

«Верховному Прокурору СССР.

27 ноября 1934 года я осуждён особым совещанием НКВД СССР по статье «контргруппа» на 3 года исправительно-трудовых лагерей, и 17 июня 1937 года я календарно отбыл срок наказания, но из лагеря освобождён не был по неизвестным для меня причинам. С июня 1937 г.

по февраль 1938 года я незаконно содержался в лагере без всяких на это оснований... 3 февраля 1938 года я был арестован в Хатынпахе. За время следствия — если это можно назвать следствием (я простоял семь суток на допросе и был подвергнут избиениям) — мне не было предъявлено ни одного факта, который

Шаламов получил новый срок в 1937-м

подтверждал бы моё участие в какой-либо контрреволюционной деятельности на Колыме. Через сутки мне было объявлено постановление тройки НКВД о том, что за «контрреволюционный саботаж» заключить в лагеря сроком на 10 лет».

Разумеется, это заявление осталось без ответа. Он не впал в отчаяние и после этого, продолжал лечить, спасать даже безнадежных. К каким и относился тогда Варлам Шаламов. Шаламов получил новый срок в 1937-м, когда после лагеря и ссылки вернулся в Москву. На этот раз ему за «участие в троцкистской оппозиции» дали пять лет и отправили на Колыму.

Там они и познакомились с Пантюховым.

«Не хотите ли сыграть в домино? — сказал Андрей Михайлович (настоящее отчество Пантюхова — Максимович. — Ю.К.), дружелюбно разглядывая меня.

На столе стояли две кружки чая, миска с кашей. И было тепло.

— Выпьем чаю, — сказал Андрей Михайлович. — Вот сахар. Не стесняйтесь. Ешьте эту кашу и рассказывайте — о чём хотите... Партия игралась медленно — мы рассказывали друг другу наши жизни».

Человечность Пантюхова тогда оказалась противоядием против «отравы лагерной жизни», своего рода гуманистическим антидотом. И этот «антидот» оказался целительным и для самого Шаламова, почувствовавшего себя человеком, не «ла-

герной пылью», именно благодаря общению с доктором. «После того как я немного окреп, я работал у Андрея Михайловича санитаром. По его рекомендации и настоянию я уехал учиться на курсы фельдшеров, окончил эти курсы, работал фельдшером и вернулся на материк. Андрей Михайлович и есть тот человек, которому я обязан жизнью», — считал Шаламов.

Смягчить участь заключённого врача пытались отнюдь не сентиментальные люди — замначальника следственного отдела УКГБ

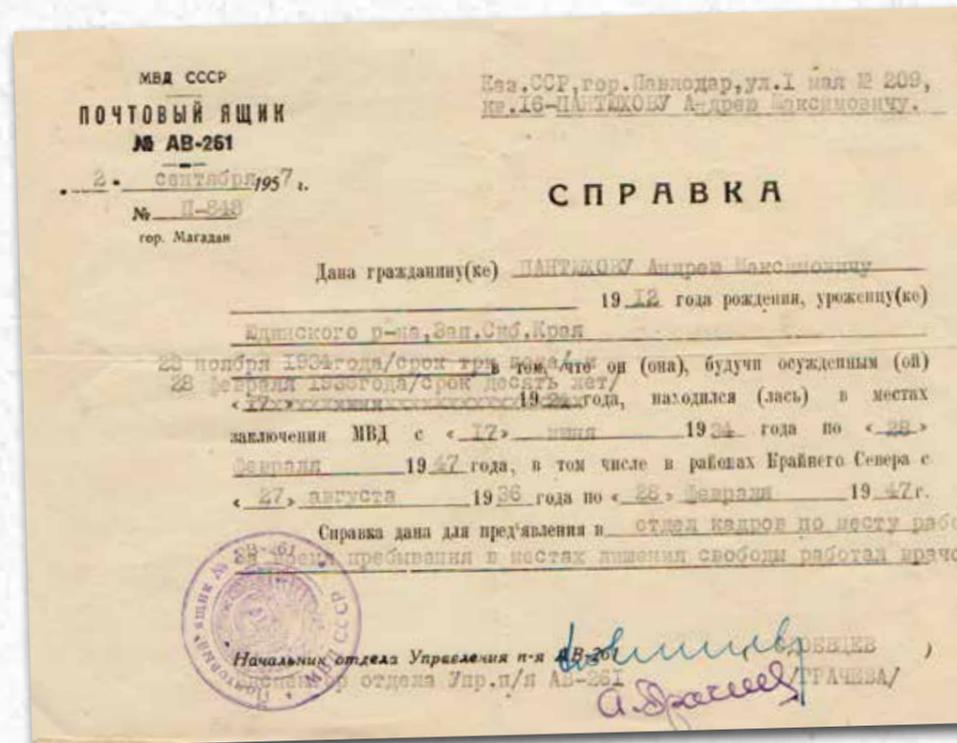
по Магаданской области, а затем — и начальник Отдельного лагпункта «Комендантский», в больнице которого работал Пантюхов. «С момента прибытия в места заключения 4 апреля 1935 года и по день вторичного привлечения его к уголовной ответственности на прииске «Штурмовой» РО НКВД по Северному горно-промышленному Управлению «Дальстрой» ПАНТЮХОВ характеризуется только с положительной стороны, как честный и добросовестный медицинский работник, беспрекословно выполняющий возложенные на него обязанности... Уже после осуждения его Тройкой УНКВД по Дальстрою 28 февраля 1938 года ПАНТЮХОВ... также

добросовестно продолжал относиться к работе и вёл себя примерно в быту, за что приказом по Управлению Севлага УСВИТЛ'а ему было присвоено звание отличника производства». Они ходатайствовали о досрочном освобождении Пантюхова, уже тяжело больного туберкулёзом.

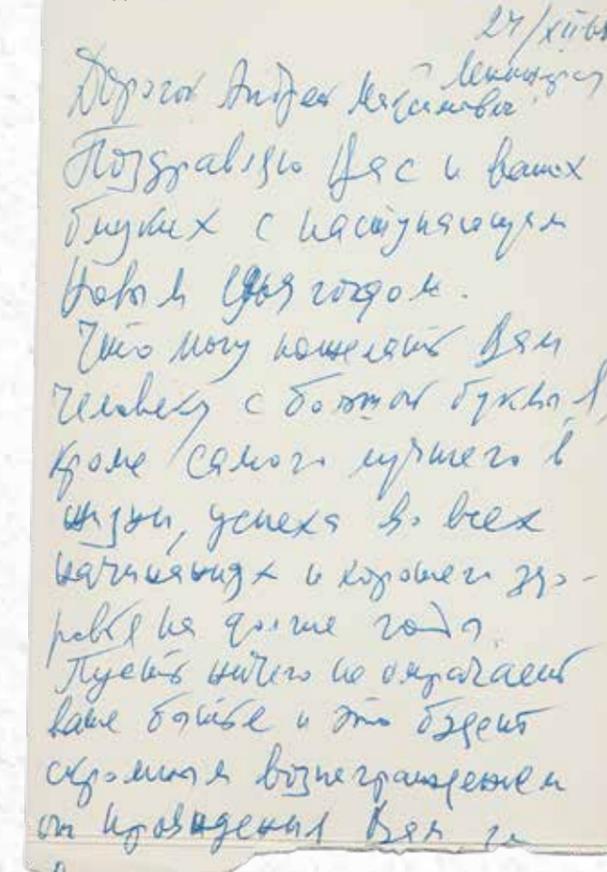
«Постоянно повышает свой теоретический уровень путём глубокого изучения новой медицинской литературы. Отношение к больным чуткое и внимательное. Помимо больницы обслуживал в организационном и лечебно-санитарном отношении ряд лагпунктов, проявляя инициативу и добиваясь хороших результатов... Отдавая себе отчёт перед задачами медработников в военное время з/к Пантюхов не только весь отдаётся напряжённой медицинской работе, не считаясь с временем, но и является донором больницы, систематически давая свою кровь для восстановления трудоспособности тяжело больных заключённых».

Но и это оказалось бесполезным. Освободили его в срок — лишь

Справка о пребывании А. М. Пантюхова в заключении с 1934 по 1947 год. Выдана в 1957 году (публикуется впервые)

в 1947-м. Со своей будущей женой, окончившей школу 21 июня 1941 года, он познакомился после освобождения в районной больнице Новосибирской области, куда пришёл устроившись. Вскоре молодая семья уехала в Павлодар, где Пантюхов возглавил службу скорой помощи, защитил диссертацию. Здесь родились сын и дочь. Наконец восторжествовала и справедливость — его реабилитировали в 1957-м. И первое же письмо к Пантюхову, когда уже во время хрущёвской оттепели, от общих знакомых по лагерю он узнал, что доктор жив, а не умер от прогрессирующего туберкулёза, Шаламов начал с благодарности: «Дорогой Андрей Максимович! Сегодня узнал я к своей величайшей радости, что Вы живы. Я всегда считал, что обязан Вам жизнью... Счастлив, что могу Вас благодарить за то, что Вы сделали для меня...» С тех пор их общение не прерывалось. «Что

Поздравительная открытка А. М. Пантюхову от В. Т. Шаламова. 1968 год (публикуется впервые)

я могу пожелать Вам, Человеку с большой буквы, кроме самого лучшего, успехов во всех начинаниях и хорошего здоровья на долгие годы. Пусть ничто не омрачает Ваше бытие, и это будет скромным вознаграждением providения Вам», — написал доктору Пантюхову Шаламов. Providению было угодно, чтобы история сохранила и эти строки, и саму память о Человеке и Враче.

P. S. Архив Андрея Максимовича Пантюхова подарен его сыном, Евгением Андреевичем, автору этой статьи и осенью 2020 года будет передан в Государственный музей политической истории России. ▽

Автор — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН